

К ВОПРОСУ О ДИСКУРСИВНЫХ СЛОВАХ ЭПОХИ РУССКОГО БАРОККО И РАННЕГО КЛАССИЦИЗМА

Н. В. Патроева

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00696*

Аннотация. Период первой трети — середины XVIII в. явился важным этапом в развитии категории модальных слов: все функционально-семантические группы субъективно-модальных компонентов в основном сложились, заметно активизировался процесс их качественного и количественного роста. Углубление индивидуально-авторского начала, совершавшееся прежде всего в лирических жанрах, потребовало от поэтов эпохи барокко и раннего классицизма насыщения литературного текста интонациями и конструкциями живой разговорной речи, разработки способов авторизации и диалогизации дискурса. Вводные компоненты начинают активно использоваться в «низких» поэтических жанрах (баснях, сатирах, эпиграммах), отражающих особенности живой устной речи и часто включающих «чужое» слово, наряду с авторским «голосом».

Ключевые слова: модальные слова, вводные конструкции, субъективная модальность, язык русской поэзии, история русского синтаксиса, стиль барокко и классицизма, эволюция лирического дискурса

DISCURSIVE WORDS OF THE RUSSIAN BAROQUE AND EARLY CLASSICISM

N. V. Patroeva

The research was funded by The Russian Science Foundation's grant No 24-28-00696*

Abstract. The first third to the middle of the 18th century was an important period in the development of the category of modal words, during which all the functional-semantic groups of subjective-modal components mostly completed their formation, and their qualitative and quantitative growth noticeably intensified. The deepening of the author's individual perspective, which took place primarily in lyrical genres, required the poets of the Baroque and Early Classicism to saturate literary texts with intonations and structural elements of spoken language and develop ways of individualization and dialogization of discourse. This period also saw an increasingly active use of introductory components in 'low' poetic genres (fables, satires, epigrams), which reflected the peculiarities of live oral speech and often incorporated 'the other's' word along with the author's 'voice'.

Keywords: modal words, introductory constructions, subjective modality, language of Russian poetry, history of Russian syntax, Baroque and Classicism style, evolution of lyrical discourse

* <https://rscf.ru/project/24-28-00696/>

Памяти Е. Г. Ковалевской и С. С. Ваулиной посвящается

Введение

В последние годы лингвисты все чаще обращаются к изучению широкого по своим границам класса — к так называемым *дискурсивным словам*, которые активно участвуют в формировании внутритекстовых связей: сам термин обязан своим появлением развитию лингвистики текста и функциональной грамматики. Сфера дискурсивных слов лишена четких границ и вбирает единицы, относящиеся, согласно традиционной грамматике, к различным частям речи — как служебным (предлоги, союзы, частицы), так и знаменательным (местоимения, наречия), а также классам модальных слов, выделенных В. В. Виноградовым, и междометий. Попытки представить подобные слова в виде закрытого списка представляются весьма спорными, так как группа дискурсивных слов не только весьма разветвленная, но и постоянно пополняющаяся новыми единицами, в том числе и в результате лексикализации и грамматикализации языковых элементов. В силу этого принадлежность слова к классу дискурсивных слов определяется прежде всего на основании их функциональной роли в организации речевой когезии*.

К таким участвующим в организации связного целого элементам следует отнести субъективно-модальные вводные слова: актуальность этой проблемы возрастает, помимо прочего, в связи с активизацией исследований в области коммуникативного синтаксиса, активной грамматики («грамматики говорящего»), дискурсивных практик, теории текста.

Синтаксическая категория вводности — результат длительного развития языка, который демонстрирует «явную тенденцию к модально-прагматическому усложнению языкового знака, такого как высказывание, тенденцию к обогащению содержащейся

в нем семантико-прагматической информации» (Милосердова 1991, 178). Первые случаи употребления вводных конструкций обнаружены в древне- и старорусских источниках, датированных не ранее XV в. Так, С. С. Ваулина, отмечая «недостаточную изученность модальности в историческом аспекте» (Ваулина 1988, 26), применяет метод синхронных срезов в своем историко-лингвистическом труде и выражает надежду, что «изучение последующей эволюции в системе рассмотренных средств даст возможность глубоко понять их современное состояние, открыть перспективы их дальнейшего движения, а значит, приблизиться к разгадке сложной, но столь притягательной природы языковой модальности...» (Ваулина 1988, 135–136).

Основное число примеров в памятниках русского языка донационального периода приходится на XVII–XVIII вв. (Ицкович 1958; 1959; 1960; Каримова 1965; Черепанова 1964).

Е. Г. Ковалевская видела особую важность эпохи Петра I и последующих десятилетий в том, что отныне книжно-славянский язык закреплялся только за конфессиональной сферой, новый тип литературного языка постепенно демократизировался, сближаясь с живой разговорной речью, что создавало «пестроту письменных памятников, где обиходные средства выражения (диалектные, просторечные, разговорные) употреблялись наряду с книжными (славянскими, с одной стороны, иноязычными — с другой)» (Ковалевская 2012, 131).

Поскольку русская поэзия второй половины XVIII в. питалась достижениями ранней виршевой поэзии школы Симеона Полоцкого и силлабистов Феофана Прокоповича и представителей его «ученой дружины» — Антиоха Дмитриевича Кантемира и Василия Кирилловича Тредиаковского, представляется интересным провести наблюдения над активностью релевантных для выражения субъективной оценки мира лирическим

* См., напр.: (Киселева, Пайар 1998; Манаенко 2019).

героем вводно-модальных синтагм в поэзии раннего послепетровского этапа, готовившего почву для появления лирики Ломоносова, Сумарокова и Державина.

Результаты

Феофаном Прокоповичем в дошедших до нас стихотворениях конца 1720 — первой половины 1730-х гг. употребляются лишь две вводно-модальные синтагмы:

Знать, тебѣ страшны силных глупцов нравы («Феофан архиепископ Новгородский к автору сатиры», послание) (Прокопович 1961, 217);
О лихорадко, тебе за богыню
говейно чтили древние народы,

знать, то ведая твою благостыню («К лихорадкѣ в лихорадкѣ», эпиграмма) (Прокопович 1961, 223);

Где птичье молоко?

Понеже, слово-слово,

так сладко и здорово («Благодарение от служителей домовых за солод нововымышленный домовому эконому Герасиму. От малых детей», цикл шуточных стихов «на случай») (Прокопович 1961, 223).

Из иллюстраций можно заключить, что вводно-модальные элементы Феофан использует по преимуществу в стилистически сниженных жанрах (послании, эпиграмме, шуточных стихотворениях «на случай») и не применяет в торжественных, высоких (например, кантах, переложениях псалмов, оде). Все употребленные в стихотворениях Феофаном вводные конструкции* относятся

* В «Словаре русского языка XVIII века» фиксируется как принадлежащая «словам и речам» Феофана Прокоповича модальная лексема *конечно*, отнесенная авторами словаря к наречиям: «**КОНЕЧНО** (-шно), нареч. 1. До конца, окончательно; совсем, совершенно. <...> Что нельзя никогда, колико ни тощить, В ней скрытого всего **конечно** истощить? Трд. Феопт. 218.

2. *Обязательно, непременно.* <...> [Флориза:] А чтобы я конечно за мужем была, в этом я себѣ большой надобности не имѣю. Сум. Рог. 31. <...>

3. *Несомненно, безусловно; само собой разумеется.* Умру я! не станет мене! так **конечно!** Пркп. СР III 91. <...> | *Употр. в функции вводн. сл.* Вы конечно иностранец, естли смѣю спросить? Крм. ПРП I 263» (Словарь русского языка 1998).

к группе выражающих различную степень достоверности высказывания, а по происхождению восходят к инфинитиву ментального глагола или образовались путем формульного дублирования имени существительного, имеющего отношение к лексико-семантической группе с архисемой 'речепроизводство', что вполне отвечает главному назначению персуазивных синтагм — выражение отношения говорящего к высказыванию.

Антиох Дмитриевич Кантемир обязан Феофану горячей поддержкой его первых опытов в жанре сатиры. Именно к начинающему сатирику обращены воодушевляющие строки упомянутого в связи с использованием вводного слова *знать* послания конца 1720-х гг. «Феофан архиепископ Новгородский к автору сатиры». Всего два десятилетия отделяют время появления первых стихов Феофана Прокоповича (1709 г., ода «Епиникион...», посвященная Полтавской баталии) и Антиоха Кантемира (первая сатира, получившая похвалу от Феофана, написана в 1729 г.), а последние их опыты в стихах отстоят друг от друга менее чем на десять лет. Между тем как сильно разнится состав и структурно-семантическая палитра вводно-модальных слов у Кантемира и у Феофана! Приведем перечень субъективно-модальных конструкций, выявленных в поэзии А. Кантемира конца 1720-х — начала 1740-х гг.:

- 1) выражающие различную степень достоверности высказывания (персонализирующие речь): *знаю* (Кантемир 1956, 68, 163), *чаю* (Кантемир 1956, 75, 113, 182), *я чаю* (Кантемир 1956, 113), *я знаю* (Кантемир 1956, 70), *мне мнится* (Кантемир 1956, 90), *как я мню* (Кантемир 1956, 233), *скажу* (Кантемир 1956, 233), *вижду* (Кантемир 1956, 112), *правду сказать* (Кантемир 1956, 60), *правда* (Кантемир 1956, 57, 75, 77, 211), *право* (Кантемир 1956, 111, 112, 186), *может быть* (Кантемир 1956, 114, 163), *конечно* (Кантемир 1956, 98, 151);
- 2) содержащие призыв к собеседнику (адресующие речь): *мнишь* (Кантемир 1956, 225), *думал бы ты* (Кантемир 1956, 90),

- знаешь ты* (Кантемир 1956, 111), *видишь* (Кантемир 1956, 111, 192), *поверь мне* (Кантемир 1956, 226);
- 3) определяющие логику развертывания дискурса, отношения между частями высказывания: *во-первых* (Кантемир 1956, 181), *словом* (Кантемир 1956, 76), *одним словом* (Кантемир 1956, 109, 114, 163), *так* (Кантемир 1956, 161), *впрочем* (Кантемир 1956, 271, 279), *однак / однако ж* (Кантемир 1956, 197, 101, 147, 150);
- 4) отсылающие к источнику сообщения: *по-твоему* (Кантемир 1956, 191), *по нём* (Кантемир 1956, 190), *скажут* (Кантемир 1956, 217), *сказывают* (Кантемир 1956, 109), *бает* (Кантемир 1956, 181);
- 5) выражающие эмоциональную оценку факта: *по счастью* (Кантемир 1956, 161).

В одах («песнях») Кантемир использует только два вводно-модальных компонента — *правда* и *однак(о)*; остальные примеры зафиксированы в сатирах, баснях, эпиграммах и стихотворных эпистолярных.

Василий Кириллович Тредиаковский, как и Антиох Дмитриевич Кантемир, считал Феофана Прокоповича своим наставником в области поэтического искусства и риторики. Спектр вводно-модальных элементов у Тредиаковского, в малых жанрах работавшего большей частью как создатель од, песен, элегий и гораздо реже обращавшегося к «низким» басням и эпиграммам, значительно менее разнообразен в структурном и семантическом отношении и включает персуазивные синтагмы, выражающие:

- 1) различную степень уверенности и гипотетичности высказывания: *знать* (Тредиаковский 1963, 56, 94), *право* (Тредиаковский 1963, 61), *как видно* (Тредиаковский 1963, 127), *пожалуй* (Тредиаковский 1963, 179), *глядишь* (Тредиаковский 1963, 79);
- 2) логические отношения между частями текста: *итак* (Тредиаковский 1963, 178, 354), *впрочем* (Тредиаковский 1963, 59), *а именно сказать* (Тредиаковский 1963, 179), *впрочем* (Тредиаковский 1963, 59), *словом* (Тредиаковский 1963, 79, 83), (Тредиаковский 1963, 356));

- 3) эмоциональную оценку: *к несчастью* (Тредиаковский 1963, 129);
- 4) указывающие источник сообщения: *по-твоему* (Тредиаковский 1963, 177), *говорят* (Тредиаковский 1963, 61), *говорит* (Тредиаковский 1963, 193).

В похвальных стихах и торжественных одах В. Тредиаковский употребляет из этого ряда лексемы *пожалуй, как видно, к несчастью, итак, словом*, способствуя, вслед за А. Кантемиром, расширению одического и элегического словаря.

Обсуждение: словарные данные и материалы грамматик XVIII в.

Наши данные в целом соответствуют наблюдениям историков языка над разножанровыми памятниками российской словесности классицистической эпохи: «На протяжении XVIII века, — пишет В. А. Ицкович, — расширяется круг семантических разрядов вводных слов и предложений, увеличивается количество вводных слов и предложений, и к концу века наблюдается большинство разрядов, функционирующих в современном языке» (Ицкович 1960, 122).

О закреплённости вводно-модальных слов в языковой системе свидетельствуют данные словарей и грамматик соответствующей эпохи, которые представляется небезынтересным сравнить с эмпирическими данными, полученными из стихотворной речи первой половины послепетровского периода.

В грамматических трудах XVIII столетия отсутствует упоминание о вводных словах (только в первой трети XIX в. в трудах Н. И. Греча и А. Х. Востокова появится термин «вводное предложение»^{*}; термин же

^{*} По замечанию А. Х. Востокова, «между частями главного предложения может вставлено быть особое предложение, называемое вводным, которое не привязывается местоимениями или союзами к главному предложению, и может быть опущено без нарушения смысла» (Востоков 1874, 120). И. И. Давыдов в своем «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» подчеркивает одним из первых модальное значение «вводных предложений», которые содержат «в себе стороне основание убеждения говорящего, какое он имеет о соединении сказуемого с подлежащим <...>» (Давыдов 1852, 340).

«вводное слово» в широком лингвистическом обиходе окажется еще позднее — с выходом в свет в 1856 г. «Русской грамматики» В. И. Классовского*, а также «Учебника русского языка» А. Смирнова). Между тем модальные по значению единицы, функционировавшие во вводном употреблении, можно обнаружить в более ранних грамматиках среди примеров наречий и союзов. Так, Федор Максимов, автор «Грамматики славенской» 1723 г., «вкратце собранной в Грекославенской школе», существовавшей при Архиерейском Доме в Новгороде Великом, в разделе о «надглаголии» приводит старославянские лексемы *пожалуй, истинно, подлинно, вправду, право* (Максимов 1723, 87).

В. Е. Адодуров в написанных на немецком языке «Первых основаниях русского языка» (1731 г.) в главе «О наречии» приводит *право* и *может быть* (в качестве синонима указано уже явно устаревшее старославянское *вослебо*) (Адодуров 2014, 179). При изложении материала о сослагательном наклонении в одном из примеров фигурирует *конечно* (Адодуров 2014, 169). *Правда* и *однако* (*однакожь/однакоже/однакже*) описываются в разделе о союзах (Адодуров 2014, 180–181).

М. В. Ломоносов *истинно* и *подлинно* относит к наречиям, а *однако, следственно* и *впротчем* — к союзам (Ломоносов 1952, 550–553).

Из отмеченных в стихотворениях Феофана Прокоповича, Антиоха Кантемира и Василия Триаковского модальных слов «Словарь Академии Российской» 1789–1794 гг. предлагает толкования вокабулам (в трак-

* В. И. Классовский пишет об этом следующее: «Независимо отъ членовъ предложенія, выражаемыхъ <...> то отдѣльными словами, то предложениями придаточными, въ предложении составномъ могутъ встрѣчаться слова и предложенія, не составляющія его членовъ [подлежащаго, сказуемаго, дополненія, опредѣленія и обстоятельство], т. е., не выработанныя, подобно предложениямъ придаточнымъ, изъ его членовъ. Такія независимыя слова и предложенія называются вводными, или вставочными». (Классовский 1856, 267).

товке САР, отнесенным к «наречиям») *знать* ‘видно’ (Словарь Академии Российской 1792, Стлб. 94), *конечно* ‘точно, кажется, видно’ (Словарь Академии Российской 1792, Стлб. 769), *вероятно* ‘по-видимому, думательно, чаятельно’ (Словарь Академии Российской 1789, Стлб. 1012), *впрочем* ‘что касается до другого’ (Словарь Академии Российской 1793, Стлб. 1102), *может быть* ‘вероятно’ (Словарь Академии Российской 1793, Стлб. 204), *итак* ‘следовательно, по сему’ (Словарь Академии Российской 1794b, Стлб. 19). *Во-первых* служит синонимическим толкованием для «наречия» *первое*, но в виде отдельной вокабулы в словаре не размещается (Словарь Академии Российской 1793, Стлб. 762). *Однако* (*же*) объясняется исключительно как противительный союз (Словарь Академии Российской 1793, Стлб. 619). Такие слова, как *видимо, видно*, толкуются в своем предикативном значении ‘светло, ясно’ (Словарь Академии Российской 1789, Стлб. 677, 680); стилистически сниженное *как видно* в словарь не занесено. *Правду сказать* отсутствует, но фиксируется вариант *по правде сказать* (Словарь Академии Российской 1793, Стлб. 1043), как и *право* в качестве «наречия» со значением ‘истинно, точно’ (Словарь Академии Российской 1793, Стлб. 1041). (*Одним*) *словом* также САР не выделяет в вокабуле СЛОВО, несмотря на его уже большую активность в источниках XVIII столетия.

Итак, лексический состав вводных компонентов, проникавших в поэтическую речь из устной разговорной, в середине XVIII в. еще беден и в книжной сфере, и в словарях и грамматиках, но постепенно расширяют сферу своего функционирования такие модальные слова, как *может быть, итак, конечно, (одним) словом, право, правда, говорят, (как) видно*. К активно используемым в различных стихотворных жанрах относятся модальные слова, восходящие к ментальным глаголам (*знать, знаю, думаю, мню, поверь* и т. п.). Вместе с тем архаизируются и постепенно выходят из широкого употреб-

ления вводные компоненты *чаю, первое, второе, истинно, подлинно, следственно, по (не)счастью* и другие.

Заключение

Рост употребления вводных конструкций, начавшийся в XVIII в., связан с общей тенденцией русского синтаксиса к усилению аналитизма. Этот процесс выражался в упрощении, компактности и расчлененности конструкций, ослаблении связей между компонентами предложения, а также разрушении линейных подчинительных структур. В период, когда гипотаксический строй достиг максимального развития, усиливается использование вводных, вставных, сегментированных и присоединительных конструкций, которые не включены в подчинительные или сочинительные отношения с основной частью предложения. Подобные аналитические черты в синтаксисе книжно-письменного литературного языка обусловлены двумя основными факторами: с одной стороны, влиянием разговорной речи, характерной спонтанностью и разрывами связного потока, а с другой — воздействием западноевропейских языков, особенно французского.

Еще одной причиной активного распространения персуазивно-модальных конструкций стало углубление авторского начала и развитие лирики как нового, сугубо субъективного литературного жанра. Лирика требует интимной референции (Григорьев 1995), то есть личностной оценки высказывания. Это позволяет выразить парадоксальность, конфликтность и многоголосие (по терминологии М. М. Бахтина) художественного сознания, отражая индивидуальные эмоции и оценки. Такие изменения в поэтическом словоупотреблении отразили мировосприятие нового типа личности. Человек Нового

времени все больше отказывается от традиционных, родовых и государственных ориентиров, от стереотипов и общепринятых взглядов, осознавая собственную свободу и уникальность в противопоставлении «чужому».

Кризис идеи «абсолютного» автора, стремившегося представить универсальное и внеположное явление, окончательно проявляется лишь в позднем классицизме*. Восприятие мира поэтом ранней классицистической эпохи основывалось на нормативности и обобщенности, что делало индивидуализацию условной и схематичной. Однако с переходом к сентиментализму и романтизму XIX в. возникает потребность в новом видении мира — глазами «другого» (героя, читателя). Это приводит к включению в литературный дискурс различных точек зрения и ракурсов восприятия.

Лирика как форма коммуникации, обладающая «фиктивным» характером (Ковтунова 1986b, 9), формирует особенности книжного стиля, которые сближают лирический дискурс с элементами разговорной и внутренней речи (Ковтунова 1986a). Среди них можно отметить высокую частотность «эгоцентрических слов»**, конструкций, включающих в текст как субъекта, так и адресата, в том числе вводно-модальных синтагм, авторизирующих и диалогизирующих текст.

* «Суть этой системы, — отмечает Лидия Гинзбург, — в том, что predetermined был всякий раз самый тип авторского сознания, с системой его ценностей, следовательно, и авторский образ» (Гинзбург 1974, 25).

** Термин Б. Рассела, относящийся к дейктическим средствам языка (Падучева 1996, 200).

ИСТОЧНИКИ

- Кантемир, А. Д. (1956) *Собрание стихотворений*. Л.: Советский писатель, 547 с.
 Прокопович, Ф. (1961) *Сочинения*. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 503 с.
 Третьяковский, В. К. (1963) *Избранные произведения*. М.; Л.: Советский писатель, 577 с.

СЛОВАРИ

- Словарь Академии Российской. Ч. I. (1789) СПб.: Изд-во Императорской Академии Наук, 634 с.
Словарь Академии Российской. Ч. II. (1790) СПб.: Изд-во Императорской Академии Наук, 664 с.
Словарь Академии Российской. Ч. III. (1792) СПб.: Изд-во Императорской Академии Наук, 761 с.
Словарь Академии Российской. Ч. IV. (1793) СПб.: Изд-во Императорской Академии Наук, 639 с.
Словарь Академии Российской. Ч. V. (1794a) СПб.: Изд-во Императорской Академии Наук, 602 с.
Словарь Академии Российской. Ч. VI. (1794b) СПб.: Изд-во Императорской Академии Наук, 600 с.
Сорокин, Ю. С. (ред.). (1998) *Словарь русского языка XVIII века. Вып. 10.* СПб.: Наука, 256 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адодуров, В. Е. (2014) *«Anfangs-Grunde der Russischen Sprache» или «Первые основания русского языка».* СПб.: Наука; Нестор-История, 256 с.
- Ваулина, С. С. (1988) *Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI—XVII вв.).* Л.: Изд-во Ленинградского государственного университета, 143 с.
- Востоков, А. Х. (1874) *Русская грамматика.* 12-е изд. СПб.: Изд-во Д. Ф. Федорова, 216 с.
- Гинзбург, Л. (1974) *О лирике.* 2-е изд. Л.: Советский писатель, 408 с.
- Григорьев, В. П. (ред.). (1995) *Очерки истории языка русской поэзии XX в.: образные средства поэтического языка и их трансформация.* М.: Наука, 263 с.
- Давыдов, И. И. (1852) *Опыт общесравнительной грамматики русского языка.* СПб.: Изд-во Академии Наук, 462 с.
- Ицкович, В. А. (1959) *История вводных слов и предложений в русском языке.* Львов: Изд-во Львовского государственного университета, 19 с.
- Ицкович, В. А. (1958) К истории вводных слов и предложений в русском языке. *Вопросы русского языкознания*, т. 3, с. 35–80.
- Ицкович В. А. (1960) К истории вводных слов и предложений в русском языке. *Вопросы русского языкознания*, т. 4, с. 91–126.
- Каримова, Р. А. (1965) Вводные слова и вводные сочетания слов в русском литературном языке второй половины XVIII — начала XIX в. *Ученые записки. Казанского государственного университета*, т. 125, с. 69–181.
- Киселева, К., Пайар, Д. (ред.). (1998) *Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания.* М.: Метатекст, 446 с.
- Классовский, В. И. (1856) *Русская грамматика.* СПб.: Изд-во Э. Веймара, 10 с.
- Ковалевская, Е. Г. (2012) *Избранное. 1963–1999.* Санкт-Петербург; Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 687 с.
- Ковтунова, И. И. (1986a) Поэтическая речь как форма коммуникации. *Вопросы языкознания*, № 1, с. 3–13.
- Ковтунова, И. И. (1986b) *Поэтический синтаксис.* М.: Наука, 206 с.
- Ломоносов, М. В. (1952) *Полное собрание сочинений. Труды по филологии. 1739–1758. Т. 7.* М.; Л.: Академия наук СССР, 993 с.
- Максимов, Ф. (1723) *Грамматика славенская.* СПб.: Изд-во Александро-Невского монастыря, 124 с.
- Манаенко, С. А. (2019) Категоризация служебных слов на основе дискурсивного употребления. *Когнитивные исследования языка*, № 37, с. 495–500.
- Милосердова, Е. В. (1991) *Семантика и прагматика модальности (на материале простого предложения в современном немецком языке).* Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 196 с.
- Падучева, Е. В. (1996) *Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива).* М.: Школа «Языки русской культуры», 464 с.
- Черепанова, О. А. (1964) Формирование лексико-грамматического класса модальных слов в русском языке XI—XVII вв. *Вестник Ленинградского государственного университета. Серия истории, языка и литературы*, т. 3, № 14, с. 126–133.

SOURCES

- Kantemir, A. D. (1956) *Sobranie stikhotvorenij [Collected Poems]*. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ., 547 p. (In Russian)
- Prokopovich, F. (1961) *Sochineniya [Essays]*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 503 p. (In Russian)
- Trediakovskij, V. K. (1963) *Izbrannye proizvedeniya [Selected]*. Moscow; Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ., 577 p. (In Russian)

DICTIONARIES

- Slovar' Akademii Rossijskoj. Ch. I [Dictionary of the Academy of the Russian Academy. Pt. I]*. (1789) Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 634 p. (In Russian)
- Slovar' Akademii Rossijskoj. Ch. II [Dictionary of the Academy of the Russian Academy. Pt. II]*. (1790) Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 664 p. (In Russian)
- Slovar' Akademii Rossijskoj. Ch. III [Dictionary of the Academy of the Russian Academy. Pt. III]*. (1792) Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 761 p. (In Russian)
- Slovar' Akademii Rossijskoj. Ch. IV [Dictionary of the Academy of the Russian Academy. Pt. IV]*. (1793) Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 639 p. (In Russian)
- Slovar' Akademii Rossijskoj. Ch. V [Dictionary of the Academy of the Russian Academy. Pt. V]*. (1794a) Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 602 p. (In Russian)
- Slovar' Akademii Rossijskoj. Ch. VI [Dictionary of the Academy of the Russian Academy. Pt. VI]*. (1794b) Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 600 p. (In Russian)
- Sorokin, Yu. S. (ed.). (1998) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. Vyp. 10 [Dictionary of the Russian language of the XVIII century. Iss. 10]*. Saint Petersburg: Nauka Publ., 256 p. (In Russian)

REFERENCES

- Adodurov, V. E. (2014) “Anfangs-Grunde der Russischen Sprache” ili “Pervye osnovaniya rossijskogo yazyka” [“Anfangs-Grunde der Russischen Sprache” or “The First Foundations of the Russian Language”]. Saint Petersburg.: Nauka Publ.; Nestor-Istoriya Publ., 256 p. (In Russian)
- Cherepanova, O. A. (1964) Formirovanie leksiko-grammaticheskogo klassa modal'nykh slov v russkom yazyke XI–XVII vv. [Formation of the lexico-grammatical class of modal words in the Russian language of the XI–XVII centuries]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istorii, yazyka i literatury*, vol. 3, no. 14, pp. 126–133. (In Russian)
- Davydov, I. I. (1852) *Opyt obshcheshravnitel'noj grammatiki russkogo yazyka [Experience of general comparative grammar of the Russian language]*. Saint Petersburg: Academy of Sciences Publ., 462 p. (In Russian)
- Ginzburg, L. (1974) *O lirike [On lyrics]*. 2nd ed. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ., 408 p. (In Russian)
- Grigor'ev, V. P. (ed.) (1995) *Ocherki istorii yazyka russkoj poezii XX v.: obraznye sredstva poeticheskogo yazyka i ikh transformatsiya [Sketches of the history of the language of Russian poetry of the twentieth century: figurative means of poetic language and their transformation]*. Moscow: Nauka Publ., 263p. (In Russian)
- Itskovich, V. A. (1958) K istorii vvodnykh slov i predlozhenij v russkom yazyke [To the history of introductory words and sentences in Russian]. *Voprosy russkogo yazykoznanija*, vol. 3., pp. 35–80. (In Russian)
- Itskovich, V. A. (1959) *Istoriya vvodnykh slov i predlozhenij v russkom yazyke [History of introductory words and sentences in the Russian language]*. Lviv: Lviv State University Publ., 19 p. (In Russian)
- Itskovich, V. A. (1960) K istorii vvodnykh slov i predlozhenij v russkom yazyke [To the history of introductory words and sentences in Russian]. *Voprosy russkogo yazykoznanija*, vol. 4, pp. 91–126. (In Russian)
- Karimova, R. A. (1965) Vvodnye slova i vvodnye sochetaniya slov v russkom literaturnom yazyke vtoroj poloviny XVIII — nachala XIX v [Introductory words and introductory combinations of words in the Russian literary language of the second half of the 18th — early 19th century]. *Uchenye zapiski. Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta — Proceedings of Kazan University*, vol. 125, pp. 69–181. (In Russian)
- Kiseleva, K., Pajar, D. (eds.). (1998) *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya [Discursive words of the Russian language: experience of contextual-semantic description]*. Moscow: Metatekst Publ., 446 p. (In Russian)

- Klassovskij, V. I. (1856) *Russkaya grammatika [Russian Grammar]*. Saint Petersburg: E. Vejmar's Publ., 10 p. (In Russian)
- Kovalevskaya, E. G. (2012) *Izbrannoe. 1963–1999 [Selected Works. 1963–1999]*. Saint Petersburg; Stavropol: Stavropol State University Publ., 687 p. (In Russian)
- Kovtunova, I. I. (1986a) Poeticheskaya rech' kak forma kommunikatsii [Poetic speech as a form of communication]. *Voprosy yazykoznanija*, no. 1, pp. 3–13. (In Russian)
- Kovtunova, I. I. (1986b) *Poeticheskij sintaksis [Poetic syntax]*. M.: Nauka publ., 206 p. (In Russian)
- Lomonosov, M. V. (1952) *Polnoe sobranie sochinenij. Trudy po filologii. 1739–1758. T. 7 [Complete Works. Works on philology. 1739–1758. Vol. 7]*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 993 p. (In Russian)
- Maksimov, F. (1723) *Grammatika slavenskaya [Grammatica Slavenskaya]*. Saint Petersburg: Alexander Nevsky Monastery Publ., 124 p. (In Russian)
- Manaenko, S. A. (2019) Kategorizatsiya sluzhebnykh slov na osnove diskursivnogo upotrebleniya [Categorization of the keywords on the basis of the discourse of use]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka — Cognitive Studies of Language*, no. 37, pp. 495–500. (In Russian)
- Miloserdova, E. V. (1991) *Semantika i pragmatika modal'nosti (na materiale prostogo predlozheniya v sovremennom nemetskom yazyke) [Semantics and pragmatics of modality (on the material of a simple sentence in modern German)]*. Voronezh: Voronezh State University Publ., 196 p. (In Russian)
- Paducheva, E. V. (1996) *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; semantika narrativa) [Semantic Studies (Semantics of Time and Kind in Russian; Semantics of Narrative)]*. Moscow: Shkola "Yazyki russkoj kul'tury" Publ., 464 p. (In Russian)
- Vaulina, S. S. (1988) *Evoljutsiya sredstv vyrazheniya modal'nosti v russkom yazyke (XI–XVII vv.) [Evolution of means of expressing modality in the Russian language (XI–XVII centuries)]*. Leningrad: Leningrad State University Publ., 143 p. (In Russian)
- Vostokov, A. Kh. (1874) *Russkaya grammatika [Russian Grammar]*. 12th ed. Saint Petersburg: D. F. Fedorov's Publ., 216 p. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ПАТРОЕВА Наталья Викторовна — *Natalia V. Patroeva*

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия.

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

SPIN-код: [5886-7841](#), Scopus AuthorID: [56732932100](#), ORCID: [0000-0003-3836-6393](#), e-mail: nvpatr@list.ru

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка.

Поступила в редакцию: 23 декабря 2024.

Прошла рецензирование: 13 января 2025.

Принята к печати: 11 марта 2025.